

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ОСТРОГРАДСКАГО.

Н. Е. Жуковскаго.

Милостивые Государи!

Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета поручилъ мнѣ: почтить память знаменитаго русскаго математика въ его родномъ городѣ и принести привѣтствіе Полтавскому кружку любителей физико-математическихъ наукъ, устроившему чествованіе Остроградскаго въ день столѣтія отъ его рожденія.

Торжество началось панихидою по покойномъ въ Полтавскомъ корпусѣ, въ которомъ сохранились о Михаилѣ Васильевичѣ живыя воспоминанія, какъ о главномъ наблюдателѣ математическихъ наукъ. Маститый законоучитель корпуса, отецъ Исаенко сказалъ слово и сообщилъ, что ему пришлось напутствовать въ вѣчность знаменитаго математика.

Вечеромъ было торжественное засѣданіе Кружка въ Полтавскомъ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей. На этомъ засѣданіи читались адреса и рѣчи отъ различныхъ учреждений и лицъ, и приносились вѣнки, предназначенные для возложенія на могилу Остроградскаго въ деревнѣ Пашенной, Кобеляцкаго уѣзда Главнымъ дѣятелемъ по устройству славнаго чествованія былъ предсѣдатель Полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ наукъ В. С. Мачуговскій. На пмѣющейся здѣсь фо-

тографіи изображены депутаты отъ различныхъ ученыхъ учреждений, прїѣхавшіе на чествованіе, и члены Полтавскаго физико-математическаго кружка.

Въ достопамятнѣйшій день чествованія Полтава была полна воспоминаніями о своемъ знаменитомъ гражданинѣ. Лица, близко знавшія покойнаго математика, и его родственники вспоминали передъ любопытными слушателями характерныя черты покойнаго. На основаніи этихъ разсказовъ и біографическихъ данныхъ, сообщенныхъ на засѣданіи, въ воображеніи слушателей вставала какъ живой нашъ богатырь математикъ.

Михаилъ Васильевичъ былъ большаго роста и имѣлъ громкій голосъ, въ особенности когда сердился. Его фигура получала еще болѣе грозный видъ вслѣдствіе потери одного глаза. Въ Полтавскомъ корпусѣ Остроградскаго ожидали на экзамены съ трепетомъ; ему ставили обыкновенно два стула рядомъ. Въ случаѣ плохихъ отвѣтовъ и недостаточныхъ доказательствъ, предложенныхъ въ курсахъ, онъ выговаривалъ какъ ученикамъ, такъ и учителямъ, и голосъ его гремѣлъ по корридору. Но, рядомъ съ этимъ, онъ былъ добръ и отзывчивъ къ чужой бѣдѣ и не разъ, послѣ неудачнаго экзамена, исправлялъ дурной баллъ неуспѣвшему ученику и называлъ его отечески: «душечка моя». Остроградскій умѣлъ сразу оцѣнить пониманіе и способности

учениковъ, лучшихъ изъ которыхъ онъ называлъ: «Архимедами» и «Ньютонами», а про плохихъ говорилъ, что «имъ бы въ пору не высшую математику изучать, а шку въ рукахъ держать».

Лекторъ онъ былъ увлекательный и блестящій; но его живая мысль обыкновенно опережала его руку, и не разъ случалось, что онъ переставалъ писать формулы на доскѣ, а говорилъ ихъ на словахъ. При этомъ онъ былъ чрезвычайно разсѣянъ, и иногда губка фигурировала въ его рукахъ вмѣсто платка.

Родители Остроградскаго, Василій Ивановичъ и Ирина Андреевна, урожденная Устимовичъ, были зажиточные малороссійскіе помѣщики. Михаилъ Васильевичъ родился въ ихъ имѣніи Пашенна въ домѣ, изображенномъ на фотографіи.

Живой и умный мальчикъ былъ отданъ въ Полтавскую гимназію, гдѣ прекрасно учился по математикѣ, но по языкамъ шель плохо. Вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ по тогдашнимъ порядкамъ записанъ на службу и числился мелкимъ почтамтскимъ чиновникомъ, при чемъ въ 14 лѣтъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора. Кто бы подумалъ, что свидѣтельство на этотъ незначительный чинъ будетъ единственнымъ документомъ, по которому Остроградскій, уже прославившій свое имя въ Парижѣ, будетъ имѣть возможность записаться въ С.-Петербургѣ. Сна-

чала Михаилъ Васильевичъ увлекался положеніемъ военнаго и по выходѣ изъ гимназіи стремился поступить на военную службу. Но дядя Михаила Васильевича, г. Устиновичъ, замѣтивъ выдающіяся математическія способности племянника, посоветовалъ его отцу опредѣлить его въ университетъ. Остроградскій былъ помѣщенъ для предварительнаго подготовленія къ адъюнкту военныхъ наукъ Робушу и чрезъ годъ былъ зачисленъ въ число студентовъ Харьковскаго Университета по физико-математическому факультету. Здѣсь подъ руководствомъ профессоровъ Павловскаго и Осиповскаго развернулись блестящія математическія способности нашего ученаго. Онъ выдержалъ чрезъ три года студенческой экзаменъ, а затѣмъ чрезъ годъ экзаменъ на кандидата; но, благодаря прояскамъ профессора философіи Дудровича, являющагося представителемъ партіи, враждебной ректору Осиповскому, Остроградскій былъ лишень своихъ дипломовъ, и ему было предложено начинать экзаменъ снова.

Познавъ силу своихъ способностей, молодой ученый уже не захотѣлъ опять повторять знакомое и отказался отъ испытаній. Его потянуло въ Парижъ, въ которомъ былъ тогда разцвѣтъ знаній математическихъ. Противъ ожиданія Михаила Васильевича, его отецъ благосклонно отнесся къ затѣваемой имъ поѣздкѣ. Сохранилось письмо брата Михаила Васильевича, Андрея Васильевича, къ отцу, въ которомъ онъ пишетъ, что рѣшимость Мишеля поѣхать въ Парижъ свидѣтельствуетъ его силы и обезпечиваетъ его успѣхъ, кромѣ того дѣло, затѣваемое имъ, есть благое, и Господь поддержитъ его.

Явившись слушателемъ плеяды знаменитыхъ ученыхъ: Лапласа, Коши, Ампера, Фурье, Пуансо и др., Остроградскій скоро почувствовалъ себя не ученикомъ, а товарищемъ по наукѣ этихъ знаменитыхъ геометровъ. Его первая выдающаяся работа: «Mémoire sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique» была доложена въ академіи и напечатана въ *Mémoires présentés par divers savants* и подняла его авторитетъ въ глазахъ парижскихъ ученыхъ. Чрезъ 2 года пребыванія въ Парижѣ Остроградскому было предложено чтеніе математики въ коллегіумѣ Генриха IV.

Вернувшись на родину и занявъ мѣсто академика въ Императорской Академіи Наукъ, Остроградскій сдѣлался звеномъ, соединяющимъ наше отечество съ тогдашнимъ центромъ математическаго міра. Своими многочисленными учеными работами онъ расширялъ и пополнялъ идеи французскихъ геометровъ, а своими блестящими лекціями онъ насаждалъ эти идеи среди русскихъ молодыхъ ученыхъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, на тридцатомъ году отъ рожденія, Остроградскій женился на лифляндкѣ Маріи Васильевнѣ Купферъ — поэтессѣ и пѣвицѣ. Онъ имѣлъ трехъ дѣтей: сына Виктора и дочерей Марію и Ольгу.

Послѣ полныхъ ученой и учебной дѣятельности зимнихъ мѣсяцевъ Остроградскій поселялся иногда на вакаціонное время въ своемъ имѣніи Долгое, расположенномъ недалеко отъ Пашенной, и здѣсь европейскій ученый и петербургскій сановникъ обращался въ настоящаго хохла.

Онъ говорилъ по малороссійски и благоденствовалъ среди семьи и крестьянъ, наслаждаясь играми своихъ дѣтей, которыхъ называлъ разными ласкательными именами: «кошечка», «ястребъ». Остроградскій любилъ предаваться полному покою

и созерцательной жизни среди широко раскинувшейся передъ его глазами малороссійской степи. На прилагаемой фотографіи изображенъ домъ Остроградскаго въ имѣніи Долгомъ.

Домъ этотъ былъ прежде двухэтажный; теперь онъ принадлежитъ новымъ владѣльцамъ, снявшимъ верхній этажъ.

Во время отдыха и бездѣйствія въ умѣ Остроградскаго зарождались новыя широкія идеи, и когда его математическая мысль принимала опредѣленное очертаніе, то онъ начиналъ энергично работать и успокаивался только тогда, когда ученый мемуаръ былъ написанъ. Находясь на верху славы, почтенный за свои ученые труды во всей Европѣ, учитель Августѣйшихъ дѣтей Императора Николая I, Остроградскій держалъ себя чрезвычайно просто и не любилъ говорить о своихъ личныхъ заслугахъ, но свое происхожденіе отъ Полтавскихъ дворянъ онъ высоко цѣнилъ и иногда упоминалъ, что такой-то деревенскій знакомый долженъ первый сдѣлать ему визитъ, такъ какъ родъ Остроградскихъ старше.

Рядомъ съ богатырскою наружностью М. В. былъ застѣнчивъ и способенъ былъ растеряться. Существуетъ воспоминаніе о посѣщеніи Николаемъ Павловичемъ лекціи Остроградскаго, на которой знаменитый математикъ запутался въ формулахъ.

Родители Остроградскаго боялись вліянія вольнодумнаго Парижа на ихъ родного Мишеля, но это опасеніе не оправдалось. Заимствовавъ въ центрѣ ученаго міра своя глубокія познанія, М. В. остался по характеру тѣмъ же хохломъ, какимъ былъ его отецъ. Можетъ быть вліяніе французскихъ мыслителей сказалось нѣсколько въ его внутреннемъ міросозерцаніи, но подъ конецъ жизни вліяніе это сгладилося.

Духовное настроеніе Остроградскаго сдѣлалось скорѣе мистическимъ; онъ заинтересовался спиритизмомъ и столоверченіемъ. Есть разсказъ, что большое вліяніе на настроеніе М. В. произвелъ будто бы написанный ему столомъ, оставленнымъ въ запертой комнатѣ, отвѣтъ: «вѣрь и молись», который онъ приписывалъ своей усопшей матери. Религіозное настроеніе въ послѣдніе дни жизни Остроградскаго подтверждаетъ его ученикъ Барсовъ, на рукахъ котораго знаменитый математикъ скончался

въ домъ Гартманъ (теперь д. Симонъ), изображенномъ на предлагаемой фотографіи.

Михаилъ Васильевичъ былъ похороненъ въ томъ же имѣніи Пашенной, въ которомъ онъ родился, въ семейномъ склепѣ Остроградскихъ.

При взглядѣ на это мирное мѣсто успокоеніе, на широкія поля, убѣгающія въ безконечную даль, невольно возникаетъ мысль о влияніи природы на духъ человѣка. Въ математикѣ, М. Г., есть то же своя красота, какъ въ живописи и поэзіи. Эта красота проявляется иногда въ отчетливыхъ, ярко очер-

тавныхъ идеяхъ, гдѣ на виду всякая деталь умозаключеній, а иногда поражаетъ она насъ въ широкихъ замыслахъ, скрывающихъ въ себѣ кое-что недосказанное, но многообъщающее.

Въ твореніяхъ Остроградскаго насъ привлекаетъ общность анализа, основная мысль столь же широкая, какъ широкъ просторъ его родныхъ полей.
